

Сердце Е Ишу дрогнуло. Внезапно он решил, что не хочет больше так его обременять.

Изначально их связывали лишь отношения врача и семьи пациента, и только по странному стечению обстоятельств они оказались под одной крышей. Но он ясно чувствовал: чем дольше они жили вместе, тем глубже и сложнее становилась их связь.

— Когда я вернусь с ярмарки, напиши мне свидетельство о разводе. За эти дни я тебя побеспокоил.

Сун Чжэньцзинь не ожидал такого поворота. Он замедлил шаг и остановился.

Они стояли на узкой тропинке у края деревни. По обе стороны расстились залитые водой рисовые поля. Тропинка была такой узкой, что по ней мог пройти лишь один человек.

Сун Чжэньцзинь шёл впереди, замедлив шаг, чтобы свет фонаря падал на дорогу перед Е Ишу.

Теперь он повернулся, и широкий подол его халата, описав плавную дугу, преградил Е Ишу путь.

— Почему ты вдруг заговорил об этом?

— Просто ездить туда-сюда неудобно, — ответил Е Ишу. — К тому же, прошло уже несколько дней. Я возьму свидетельство о разводе и пока поживу дома, а через некоторое время объявлю об этом.

Луна была лишь тонким серпом, и её слабого света не хватало, чтобы разглядеть их лица.

Сун Чжэньцзинь слегка приподнял фонарь и наклонился вперёд.

Е Ишу стоял неподвижно, глядя, как лицо мужчины приближается.

Холодное, как зимняя гора, с бровями, окутанными туманом, и вершинами, покрытыми снегом. Человек, казалось, был изваян изо льда, но перед ним он раскрывал свою весеннюю сторону.

Разве это не было особым отношением?

Раньше Е Ишу не задумывался об этом, но теперь этого было достаточно, чтобы он, придя в себя, решил оттолкнуть этого человека.

— На что ты смотришь? — спросил Е Ишу, видя, что Сун Чжэньцзинь задумчиво его разглядывает.

Сун Чжэньцзинь тихо рассмеялся, и снег на вершинах гор, казалось, растаял, превратившись в журчащий ручей.

— Смеюсь над тобой. Ты совсем не изменился. Разве это плохо? — он выпрямился и снова повернулся. Медленно шагая, он по-прежнему освещал фонарём дорогу перед Е Ишу.

— Тебе не нужно ни о чём беспокоиться. Насколько я знаю, ты не спешишь искать спутника жизни, а, наоборот, из-за всех этих хлопот хочешь от них избавиться.

— Ты занимайся своими делами, а я помогу тебе отгородить все эти неприятности. Разве это не хорошо?

— Нехорошо, — ответил Е Ишу.

— М?

— Это помешает мне снова выйти замуж.

Сун Чжэньцзинь тихо рассмеялся.

— Мы только что поженились, и уже через несколько дней разводимся. Представляешь, какие пойдут слухи?

Е Ишу тоже улыбнулся, и в его лисьих глазах заплясали искорки.

— Какая разница, меня это не волнует.

— А-Шу, людская молва страшна, — предостерёг его Сун Чжэньцзинь.

— Доктор Сун, почему вас это так заботит?

— Я забочусь о друге.

Свет фонаря слегка качнулся. А-Хуан, уже сбегавший домой, снова вернулся.

Сун Чжэньцзинь, глядя на его пушистый хвост, почему-то улыбнулся.

— То лекарство, что я тебе дал, ты так и не забрал. Ты снова отвергаешь мою доброту.

— Я не принимаю ничего от незнакомцев, — сказал Е Ишу.

— Но теперь-то мы уже не незнакомцы?

Е Ишу посмотрел на его тёмные, собранные в пучок волосы, скреплённые простой деревянной шпилькой.

— Мне-то всё равно, я просто боюсь сбить тебя с пути истинного.

Сун Чжэньцин рассмеялся.

— Какой у меня может быть путь?

Е Ишу, приподняв бровь, с притворной серьёзностью сказал:

— Разве ты не собираешься посвятить всю свою жизнь спасению людей? Как я, простой смертный, смею стоять на пути у такого небожителя?

Е Ишу зябко выдохнул. Видя, что доктор Сун всё ещё преграждает ему узкую тропинку, медленно шагая, он не удержался и, подтолкнув его, ускорил шаг, чтобы выйти на широкую дорогу.

— Я хочу помочь тебе, — тихо сказал Сун Чжэньцин.

— Эх! — вздохнул Е Ишу. — Я смотрю, ты немного упрямый.

Сун Чжэньцин поравнялся с ним, и фонарь осветил дорогу перед ними.

— А-Шу, я хочу помочь тебе.

— Делай что хочешь! — Е Ишу не любил долгих разговоров. Он предпочитал говорить прямо, что думает.

Раз уж доктор Сун готов тратить на него своё время, пусть тратит.

Ему ведь всего восемнадцать, жизнь ещё длинная.

Они почти дошли до дома. В окнах уже не было света. Е Ишу, прислонившись к двери, локтем толкнул доктора Суна.

— Кстати, когда ты меня узнал?

— В нашу первую встречу.

Дверь открылась. Е Ишу, качнувшись, напряг мышцы живота, чтобы выпрямиться, но его локоть был перехвачен твёрдой рукой. Ладонь была горячей, совсем не такой холодной, как он себе представлял.

— Осторожнее, — сказал Сун Чжэньцзинь.

Войдя в дом, они занялись умыванием. А-Хуан, покрутившись у кучи дров перед очагом, лапами примял солому и, свернувшись калачиком, устроился спать.

Е Ишу зевнул, сидя в отсветах пламени.

Сун Чжэньцзинь тем временем набрал из бочки воды и налил в котёл.

Поднялся пар. Е Ишу, подперев подбородок рукой, задремал от тепла. Сун Чжэньцзинь, взглянув на него, взял стул и бамбуковую корзину и сел по другую сторону от А-Хуана.

Он слышал ровное дыхание другого человека и, вспоминая их разговор по дороге, когда Е Ишу заговорил об уходе, почувствовал укол сожаления.

Совсем крошечный, но он его ощутил.

Он пока не мог понять, было ли это оттого, что он, привыкший к одиночеству, нашёл себе компаньона, или оттого, что в его однообразной жизни появилась искра жизни.

— Доктор Сун, — сонно, с лёгкой гнусавостью, позвал Е Ишу.

— М? — отозвался Сун Чжэньцзинь, не отрываясь от перебирания трав, которые ему сегодня принесли.

— Лекари много зарабатывают?

— На жизнь хватает.

Е Ишу, закрыв глаза, дремотно пробормотал:

— Я так и думал, ни одного богача вокруг.

В глазах Сун Чжэньцзиня мелькнуло бессилие, но он невольно улыбнулся. Улыбка его была подобна тающему на вершинах гор снегу, открывающему взору зелёные склоны.

На следующий день Е Ишу проснулся в пять утра.

Он не знал, будет ли его закуска продаваться, но в первый раз стоило поехать в город пораньше, чтобы успеть поторговать подольше.

Е Ишу, стараясь не разбудить Сун Чжэньцзиня, тихо собрался и отправился в свой дом.

Он пошёл по горной тропе. А-Хуан, зевая, плёлся за ним. Сторожевые собаки обычно бодрствуют ночью, а днём спят. Было трогательно, что А-Хуан его провожал.

Е Ишу подумал, что, если сегодня удастся что-то заработать, он купит ему кость.

Когда забрезжил рассвет, его родители уже были готовы. Мать напекла лепёшек, и теперь они могли поесть по дороге.

Е Ишу хотел помочь отцу нести коромысло, но Е Чжэнкунь ни в какую не соглашался.

Двое взрослых спешили впереди, а Е Ишу с Доумяо шли сзади.

Е Ишу учил мальчика зазывать покупателей и поручил ему принимать деньги.

Доумяо уже был в том возрасте, когда мог бы ходить в детский сад. Е Ишу начал учить его считать и писать, и теперь, в десять лет, Доумяо знал таблицу умножения и многие иероглифы.

В династии Дацю тоже ели острое, но перец чили ещё не был распространён. В основном использовали кизил и горчицу.

До города было недалеко, всего полчаса ходьбы.

Продавцы овощей, фруктов и мяса собирались на одной улице.

У крупных торговцев были свои постоянные места, за которые они платили большую аренду.

Е Ишу продавал закуску, поэтому мог расположиться где угодно. Приходили сборщики налогов и брали плату за место — всего два вэня в день.

Е Ишу выбрал свободное место посреди улицы, где продавали еду, и велел отцу поставить коромысло.

Слева от них продавали тушёное мясо, а справа — солёные овощи.

Уже рассвело, и на рынке становилось всё больше людей. Старик с сахарными яблоками на палочке ходил по толпе и зазывал покупателей. На одной улице их было трое.

Е Ишу в первый раз занимался торговлей и не волновался, а вот его родители нервничали. Они боялись, что ничего не продадут, потеряют деньги и отобьют у сына охоту заниматься делом, заставив его снова уйти в горы на заработки.

Е Чжэнкунь ловко установил печь.

Продукты были сварены дома, поэтому огонь пока был не нужен.

Ши Пулю приоткрыла крышку на деревянном ведре, и оттуда вырвался густой, властный аромат.

Боясь, что шашлычки остынут, Ши Пулю быстро достала несколько палочек, нарезала их ножницами и положила в миску.

Сын сказал, что, поскольку это новая закуска, нужно дать людям попробовать.

Е Ишу и Доумяо встали у прилавка и начали зазывать:

— Шашлычки! Шашлычки! Вкусные, согревающие, острые шашлычки!

То ли крики привлекли внимание, то ли запах, но у их маленького прилавка начали останавливаться любопытные.

— Фамильные острые шашлычки, секретный рецепт! Овощные — один вэнь за палочку, мясные — два. Можете сначала попробовать, — сказал Доумяо, стоявший рядом с Ши Пулю. Его мать стеснялась заговаривать с людьми, но Доумяо был сообразительным.

Едва он закончил, Ши Пулю тут же протянула миску с нарезанными кусочками. Рядом стояли

маленькие бамбуковые палочки, чтобы покупатели могли попробовать.

— Да это же просто тофу и капуста, — сказал один из покупателей.

Оба его родителя были неразговорчивыми. Е Ишу подошёл к матери и, сняв крышку с деревянного ведра, сказал:

— Тофу и капуста тоже бывают разными. У богатых людей и тофу с капустой вкуснее, чем у нас, простых людей.

— Посмотрите, такой аромат, неужели не хотите попробовать?

И правда, стоявший прямо перед ведром покупатель почувствовал, как его ударил в нос густой аромат. На мгновение у него закружилась голова.

Он посмотрел на овощи и мясо в масленистом бульоне и почувствовал, как в животе заурчало. Недолго думая, он сказал:

— Дайте мне по одной палочке каждого вида!

Бесплатные образцы тут же разобрали. Те, кто попробовал, ещё не успев проглотить, уже лезли за деньгами и требовали ещё.

Е Ишу улыбнулся. Получилось.

Он ловко накладывал покупателям шашлычки на промасленную бумагу.

А тот первый покупатель, который заказал по одной палочке каждого вида, ещё не успел ничего попробовать, как те, кто уже попробовал, размахивая медными монетами, кричали:

— Дайте мне две овощные!

— А мне все рыбные шарики.

— Мне водоросли! Водоросли!

Е Чжэнкунь и Ши Пулю никогда не видели такого ажиотажа и растерялись.

Е Ишу реагировал молниеносно. Он накладывал шашлычки, а Доумяо собирал деньги. Братья работали так слаженно, будто делали это уже тысячу раз.

— Брат, рыбные шарики кончились!

Е Ишу с улыбкой извинился перед покупателем, который хотел рыбные шарики, и продолжал работать. Е Чжэнкунь и Ши Пулю, опомнившись, с трепетом смотрели на толпу.

Вещь стоила один-два вэня, даже горожане могли себе это позволить.

К тому же вкус был новым, сладким, кислым, острым... все вкусы были идеально сбалансированы.

Те, кто успел съесть свою порцию, стоя тут же у прилавка, хотели ещё, но обнаруживали, что их уже оттеснили.

Зимний день, а семья из четырёх человек вспотела от работы.

Раньше они беспокоились, что ничего не продадут и придётся греть шашлычки на углях. А в итоге, не успел пар рассеяться, как всё было продано.

Покупатели, разочарованно вздыхая, разошлись. Остались только супруги Е, глядя на тяжёлый мешочек с деньгами и не веря своим глазам.

Деньги... так легко зарабатываются?

— Папа, мама, это дело пойдёт. Пока рынок не закрылся, пойдёмте купим ещё продуктов на завтра.

— Завтра же не ярмарочный день.

— Не ярмарочный, а я всё равно приду, — раздался голос, и перед ними появилась большая миска.

Е Ишу поднял голову. Это был тот самый покупатель, который недавно покупал у них шашлычки. Увидев, что Е Ишу его заметил, он смущённо улыбнулся.

— Не подскажите, как вас зовут, хозяин?

— Е, — ответил Е Ишу.

— Ха-ха-ха, хозяин Е, ваши шашлычки просто восхитительны. А вот этот бульон... он продаётся? — смущённо потирая нос, спросил покупатель.

Он был гурманом и всю жизнь любил вкусно поесть. Сегодня он не наелся и, увидев красный, маслянистый бульон в ведре, подумал, что можно было бы взять его домой и сварить в нём ещё что-нибудь.

Е Чжэнкунь и Ши Пулю снова растерялись.

Съели всё мясо, а теперь ещё и суп хотят?

— Это... — замялся Е Ишу. Этот бульон был похож на основу для хого, его можно было использовать повторно. Если кто-то унесёт его и разгадает состав, то через несколько дней у них появятся конкуренты.

— А давайте так, я не буду забирать бульон. Хозяин Е, пойдёмте ко мне домой, сварите в этом бульоне ещё что-нибудь, а я вам заплачу два цянтя серебром.

Е Ишу подумал, что это богатый господин. Поразмыслив, он с улыбкой сказал:

— Что вы, гость, раз уж мы с вами встретились, берите так, за несколько взней.

— Спасибо, спасибо! — сказал тот, схватил деревянное ведро, сунул немного серебра в руку Доумяо и быстро убежал.

— Брат, — Доумяо протянул руку.

Е Ишу, приподняв бровь, взял серебро и взвесил на руке.

— Два цянтя.

— Гээр, — с беспокойством сказала Ши Пулю, глядя на удаляющуюся фигуру.

Вся суть была в рецепте, а теперь, когда бульон унесли, они рисковали всё потерять.

Е Ишу похлопал мать по плечу и мягко сказал:

— Мама, этот бизнес не будет долгим. Может, на следующей ярмарке в городе уже появится кто-то, кто продаёт то же самое.

— Что же тогда делать?

— Поэтому нам нужно продавать как можно больше, пока у людей ещё есть интерес.

— Хорошо, я поняла. Отец, пойдём скорее за продуктами! — сказала она и уже собралась идти.

Е Ишу положил ей в руку два ляна серебра.

— Мама, держи. Купи в три раза больше, чем сегодня.

— Хорошо!

— Брат, но у нас не хватит специй.

— Ничего, я сейчас съезжу в уезд.

Уборку прилавка он оставил родителям, а сам, купив два пирожка, сел на повозку до уезда.

Приехав в уезд, он сразу направился в лавку специй, затем зашёл в медицинскую лавку за травами и вернулся домой уже затемно.

Он сначала занёс всё в дом семьи Е. Он не собирался возвращаться в дом Сун, но увидел, что его отец сидит и разговаривает с Сун Чжэньцинем.

Этому человеку действительно было нечем заняться.

Но раз уж он пришёл, и у дома стояла повозка, запряжённая ослом, Е Ишу решил не торопиться. Он взял мешочек с деньгами, позвал мать, и они начали пересчитывать первую выручку.

В доме Е использовали масляные лампы, и после того, как их зажигали, в комнате становилось душно.

Трое членов семьи склонились над чисто вытертым столом и, пересчитывая медные монеты, боялись пропустить хоть одну.

Каждый пересчитал, затем сложили всё вместе. Получилось сто шестьдесят девять вэней.

Они привезли семьдесят овощных шашлычков и пятьдесят мясных. За вычетом тех, что отдали на пробу, получилось больше одного цянтя серебра.

— Тофу стоил пять вэней за кусок, мы взяли два, итого десять вэней. Капуста своя, не в счёт. Полцзиня свинины — пятнадцать вэней, полцзиня рыбных шариков — тридцать. Водоросли — десять вэней. А сколько стоили специи, гээр?

— Всего два цянтя.

Ши Пулю ахнула.

— Так это что же...

— Вовсе нет, — улыбнулся Е Ишу. — Тех специй хватит на три таких порции. Шестьдесят шесть вэней. Так что мы всё равно в плюсе.

— Тридцать восемь вэней, — сказал Доумяо, что-то чертивший на столе. — Мы заработали тридцать восемь вэней.

— Это ведь тоже неплохо, правда? — улыбнулся Е Ишу. — К тому же мы ещё не посчитали те два цянтя серебра. В первый день мы приготовили немного. Дело ведь в специях, чем больше сделаем, тем больше заработаем.

Ши Пулю, услышав это, согласилась. Увидев, что Е Чжэнкунь и Сун Чжэньцзинь закончили разговор, она поторопила сына возвращаться и сама поспешила в дом.

Е Ишу, видя её радость, улыбнулся.

Он и не надеялся много заработать на этом. Главное, чтобы не было убытков.

Самое важное было то, что он нашёл занятие для своих родителей. Отцу не нужно было больше таскать тяжести в городе, а мать не сидела дома, что было вредно для её здоровья. Так что всё было хорошо.

Вот только их семья радовалась, а Сун Чжэньцзиню пришлось потрудиться.

Под настоятельными уговорами родителей Е Ишу сел в повозку доктора Суна.

На этот раз он не стал садиться внутрь, а устроился на краю, свесив ноги и покачивая ими в такт движению повозки.

Сгустились сумерки. Фонарь освещал лишь несколько метров дороги впереди. Деревья по обочинам качались на ветру. Е Ишу замёрз и, перестав мечтать, уставился в темноту.

— Как сегодня торговля? — спросил Сун Чжэньцзинь.

— Хорошо, — Е Ишу, почувствовав, что нос замёрз, повернул голову и увидел, что доктор Сун, глядя вперёд, крепко держит вожжи.

Словно изваяние изо льда, не боящееся холода.

— Но этот бизнес недолгий. Нужно успеть заработать, пока другие не научились.

— Может, поехать в уезд?

— Шаг за шагом. Сейчас ехать в уезд ещё рано.

После двух больших ярмарок семья Е каждый день ездила в город продавать свою закуску. Покупатели уже их знали, и едва они приезжали, шашлычки тут же раскупали.

Но в то же время появлялось всё больше подобных ларьков.

Другие не только делали такой же острый соус, но и придумали бульон на курином супе и на редьке.

К середине двенадцатого месяца торговля пошла на спад.

Семья Е, которая раньше продавала по двести палочек в день, а в ярмарочные дни — по пятьсот, постепенно снизила объёмы до ста палочек в обычный день и трёхсот — в ярмарочный.

Но в этом был и свой плюс. Раньше они каждый день ездили в город, и как бы ни радовались родители, они всё равно уставали.

Е Ишу велел им отдыхать один день после ярмарки, и они привыкли к такому режиму.

В этот день снова была ярмарка. Семья Е, как обычно, рано утром отправилась на своё постоянное место.

Но, приехав, они увидели, что их место занято младшим дядей с дедушкой и бабушкой. Они уже всю торговали, используя то же самое название семьи Е.

Е Чжэнкунь и Ши Пулю, которые уже привыкли к этому делу, сразу поняли, что к чему. Запах был почти таким же, как у них. Будто из одного котла наливали.

Супруги были в шоке, злы и растеряны. Но нужно было продать сегодняшний товар.

Доумяо, который был с ними, увидев самодовольное лицо бабушки, надул губы.

В городе, кроме тех, кто платил за постоянные места, остальные были случайными торговцами. Кто раньше пришёл, того и место.

Доумяо, вспомнив слова брата, схватил мать за руку.

— Мама, пойдём в другое место, встанем у входа на рынок.

Е Чжэнкунь, услышав это, тоже решил, что это хорошая идея.

Супругам было не до разбирательств. Они быстро сменили место.

— Эй, хозяин Е, почему вы сегодня здесь? Я уж думал, снова придётся в толпе на рынке толкаться, — узнал их один из постоянных покупателей.

Доумяо, бойко ответил:

— У входа лучше. Дяди и тётки сразу смогут поесть наших шашлычков. Теперь мы всегда будем здесь стоять.

Сменив место, супруги поняли, насколько это выгодно.

Люди, приходя на рынок, первым делом видели их ларёк. Те, кто хотел перекусить, брали пару палочек и, идя дальше, уже не смотрели на других продавцов.

Но все уже много раз пробовали эту закуску, и новизна прошла. Раньше они распродавали всё за час, а теперь — за два.

В обед, закрыв ларёк, супруги специально пошли посмотреть на то место, где они обычно стояли.

Е Чжэнсун и Цзинь Лань ещё не ушли, а стариков уже не было.

— Не продали, дядя? — спросил Доумяо, подойдя к их ведру.

— Отойди, отойди, испачкаешь, — прогнал его Е Чжэнсун.

Доумяо хмыкнул.

— Если мой брат узнает, что дядя украл наши вещи, он точно с топором придёт.

— Думаешь, я его боюсь! — неуверенно сказал Е Чжэнсун, но не смел смотреть в глаза ребёнку.

Доумяо, недовольно фыркнув, вернулся к родителям. Он услышал, как мать сказала:

— Специи, что я хранила в доме, вы украли.

Она говорила с уверенностью, и Е Чжэнсун ещё больше смутился.

— Кто у тебя что брал!

— Дядя... — медленно подошёл сзади Е Ишу. — Говорите повежливее.

Е Чжэнсун испугался до полусмерти и тут же сдулся.

— Мама, что случилось? — спросил Е Ишу.

— Твой дядя снова украл.

Едва появился Е Ишу, как супруги Цзинь Лань быстро собрали свои вещи и убежали. Е Ишу хмыкнул.

— Мама, пойдём домой, разберёмся.

Е Чжэнкунь глухо сказал:

— Да ладно. Скорее всего, это опять твоя бабушка тайком в нашу комнату залезла.

Е Ишу до смерти надоела эта старуха. И угрожал, и предупреждал, а она всё равно не унималась.

Е Чжэнкунь удручённо покачал головой.

— Пойдём домой, на улице холодно.

Пешком от города до дома можно было дойти, слегка вспотев. Проработав столько дней, семья Е села пересчитывать деньги.

С тех пор как они увидели, что шашлычки приносят доход, Ши Пулю начала добавлять новые

ингредиенты: зимние побеги бамбука, сушёные летние грибы, речные креветки, свиную кожу... Она меняла ассортимент, и редкие виды продавала по три-пять вэней, что тоже приносило прибыль.

Подсчитав всё, они поняли, что в обычный день зарабатывали в среднем по одному цяню серебра, а в ярмарочный — до трёх.

За всё это время, включая три большие ярмарки, они заработали один лян и пять цяней серебра.

Супруги Е Чжэнкунь были на седьмом небе от счастья.

Но когда они успокоились, Е Ишу сказал:

— Папа, мама, сейчас в городе всё больше людей продают шашлычки. Боюсь, скоро мы не сможем столько зарабатывать. Вы должны быть к этому готовы.

— Гээр, мы всё понимаем, — сказала Ши Пулю.

В последнее время, заработав своим трудом деньги, она целыми днями с радостью их пересчитывала. К тому же, она пила лекарства и поправлялась, и голос её стал громче.

Е Ишу, видя её такой, задумался, что бы ещё можно было продавать.

<http://bllate.org/book/13660/1587488>